

Пролог

«Темная дорожка стелется, стелется да в лес сумрачный все дальше уводит. Мимо ухабов, оврагов и пней вьется змейкой тропа. Через топи болотные и бурелом непроглядный насквозь проходит она. Звезд не видно на небе высоком, лунный свет не касается плеча. Глаз не примечает худого огня, лишь темень обрамляет одна. Страх лютый голову кружит, с толку сбивает юнца.

А под ногами все дальше вьется тропа. В Навь она лукаво заводит глупца. Там, в землях угрюмых, Хозяйка Зимы обитает – Мораной себя величает. Подвластны ей жизни людские: нити судьбы лихо прядет и смерть с собою всюду несет.

Древний лес земли Нави надежно скрывает, обитателей дивных оберегает. Как только мост Калинов герой перейдет, так и позабудет дорогу домой. Змий Трехглавый не пропустит назад – погибель настанет тотчас. Вороном черным Кощей свысока наблюдает, в болотах Баба-Яга поджидает. Только вера, надежда и лучик любви способны героя из Нави спасти.

Ежели в Явь возвратится удалец, то изумится знатно. Взор разглядит мавок игривых, что

меж деревьев проворно мелькают. Всюду ведьмы и оборотни под руку гуляют и себя при луне не скрывают. Скалится в тусклом углу упырь крас-ноглазый, в тиши поджидает злодей окаянный. В доме каждом духи обитают и от зла порой защищают. Диву дается молодцу: как раньше не приметил этих чудес? За обитателями Яви следует он и камень-указатель быстро найдет. «Налево пойдешь – в Зиму попадешь, направо – кругом домой возвратишься, а прямо шагнешь – так в Правь авось заглянешь».

Не думая долго, пускается герой в путь непростой по дорожке прямой – к великим и светлым, в край вечного лета. Золотом и блеском Правь гостей встречает, но назад, увы, не пускает. То мир высших и сильных, славных и честных. Герои одни подле богов обитают, век бесконечный коротают и людям порой помогают. Дева-Весна, Леля-краса, с любовью каждого в объятия свои принимает. Волшебники добрые, птицы чудные, звери игривые – всем край сей полнится.

Изумляется герой и тут же все понимает: дорога жизни его по трем мирам мягко провела и на покой теперь обрекла.

Вечность отныне – подруга удалца. Решается тогда герой поведать историю о единых трех сторонах. Рассказать о стражах угрюмых, о ведьмах коварных, о злодеях проклятых и о том, как яд во всякое сердце порой проникает. Пове-

СУЖЕВУЧНЫЙ СКАЗ

дать предание о тех, кого плохими величают, а они добрые дела совершают.

Так ступай же, читатель, в путешествие странное, местами опасное, а иногда и забавное. Пройди ты путь от земель холодных до краев теплых, познакомься с героями и узнай, как иногда миры соединяются. Смелей, мой друг, смелей...»

Из сказок Кошечевых,
написанных для Марьи Моревны и всех,
кто желает мудрость познать.

Нарк

СУМРАЧНЫЙ СКАЗ

Дом Рогнеды, Сумрачный лес, Навь

Две девушки сидели на поваленном дереве возле реки Смородинки, пока на небе сгущались темные тучи. От воды веяло загобным холодом, вновь разбушевался ветер, но подружки не обращали внимания на непогоду — привыкли к природным метаниям Нави. Дождь сменялся снегопадом, мороз изгонял туман, а на голых ветвях деревьев неожиданно появлялись желтые и коричневые листья. В воздухе ощущалась поздняя осень, в некоторых местах Нави и вовсе царствовала вечная стужа и лежали высокие сугробы. Ожидать здесь тепла — пустые надежды.

— Забава, ты точно уверена? — Рогнеда посмотрела на зажатую в руке фотографию симпатичного молодого мужчины. Она уже полчаса разглядывала ее, пытаясь собраться с мыслями и унять все сомнения.

— Я тебя когда-нибудь обманывала? — Мавка насупилась и отвернулась, опуская босые ноги в студеную воду. Расписной подол ее сарафана тут же намок, но мертвых не тревожит холод. — Отчего такое недоверие, Рогни?

Услышав прозвище, Рогнеда дернулась и отвесила подзатыльник младшей.

— Не называй меня так, — прошипела она, во взгляде ее ярко-зеленых глаз читался гнев. — Просто не хочется подставляться. Вдруг на самом деле этот Виктор хороший?

Забава прищурилась, пристально всматриваясь в бледное лицо подруги, и обиженно поджала губы.

— Я хоть раз ошибалась? — Рогнеда покачала головой. — То-то и оно! Значит, и сейчас у тебя не должно быть повода для сомнений.

— Просто он непохож на браконьера...

— Трусиха, трусиха, — противно захихикала Забава, показывая язык, за что тут же получила еще один подзатыльник. — Если боишься, так и скажи.

— Ничего я не боюсь! — воскликнула Рогнеда, спрятав фотографию в карман и плотнее запахивая длинный серый плащ.

Она переживала и не хотела рисковать напрасно. Обычно Рогнеда сама становилась свидетельницей браконьерства и точно знала, кто злодей, но сейчас была вынуждена довериться мавке.

— Повторяю, кажется, уже в сотый раз, — начала Забава, поджимая ноги к груди, — плохой он, этот Виктор. Ставил капканы и зайцев ловил, по лисам стрелял, выискивал медвежью берлогу. Разве этого мало? Какого у него только оружия нет! Уж поверь, но я видела, на что он способен. Не виновата же я, что он тебе на глаза не попадался ни разу. Может быть, стоило почаще к нам в гости заглядывать, а не здесь ходить без дела? А вообще, не хочешь — не надо. У старших покровителей помощи попрошу — они уж точно меня не бросят в беде. Но только именно ты поклялась, что будешь оберегать слабых, а теперь трусишь и от обязанностей своих сбегаешь!

СУМЕРЕЧНЫЙ СКАЗ

Высокомерно посмотрев на подругу, Забава вскочила и понуро поплелась вдоль берега. Ее не волновал ни пробирающий до костей ветер, ни стелющийся по земле колдовской туман — она просто пошла вдоль берега, надеясь, что Рогнеда все же одумается и догонит.

Тяжело вздохнув, Рогнеда посмотрела вслед удаляющейся мавке с зеленоватыми волосами, среди которых виднелись незабудки. Забава прекрасно знала, как манипулировать подругой. Жажда приключений и любопытная натура подначивали Рогнеду броситься за мавкой и выполнить давнее обещание, ставшее предназначением. Сначала стоило бы спросить совета у мудрых покровителей Нави, ведь раньше все действия Рогнеды одобрялись и контролировались Мораной. Однако это не первый браконьер, с которым Рогнеде придется разобраться. Главное — не оставить улик и не вызывать гнева Хозяйки Зимы. Рогнеда покачала головой: она справится и заодно докажет всем, что уже самостоятельная и более не нуждается в опеке.

Спрятав кончик носа в шарф, Рогнеда все-таки догнала Забаву у мерцающего портала, который мавка уже начала плести.

— Ладно, уговорила, — пробормотала Рогнеда. — Рассказывай, что вы придумали с сестрами.

Забава вместе с другими мавками обитала подле пруда, находящегося в глубине леса в мире людей. Темный бор расстилался на другом, заколдованном, берегу Смородинки и принадлежал Соснов-

КАЙСЯ ЛОКИН

цу — древнему лешему, который всегда с радостью встречал Рогнеду, хоть и не жаловал всех остальных обитателей Нави. Лишиться его поддержки и позволить охотнику причинять вред живому Рогнеда не могла: совесть не позволяла.

Забава, добившись своего, лукаво усмехнулась и принялась радостно щебетать:

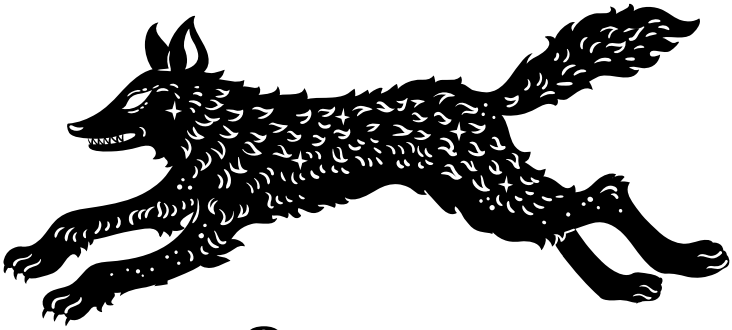
— Сходи с Виктором на прогулку, а там — клац! И нет больше нашего славного паренька, а лес в безопасности. Только сначала надо с Витей поболтать, втереться в доверие и создать должное впечатление. Ну, ты понимаешь.

— И какое же, например? — Рогнеда скрестила руки на груди, глядя исподлобья.

Потерев подбородок, будто разгадывала великую тайну, Забава поучительно произнесла:

— Постарайся казаться милой и не перевоплощайся раньше времени, а все остальное — уже не моя забота, — и тут же скрылась в едва видимой завесе между мирами.

Вдали послышался раскат грома, первые капли дождя упали на пожухлую траву, ветер поднял хоровод разноцветных листьев, пока Рогнеда стояла, пытаясь придумать план. Одно дело — испугать и проучить непутевого, совсем иное — избавиться от него навсегда. Тряхнув головой, Рогнеда вздохнула: похоже, она вновь попала в неприятности.

СЕРЫЙ
ВОЛК

*«Душа твоя чиста – за это дар положен
столна. Но помни: защита невинных –
отныне забота твоя. Леса от напастей
оберегай, зверье в обиду никогда
не давай».*

Из наставлений Дубровца Рогнеде

Лес Сосновца, Явь

— **П**оверить не могу, что ты интересуешься походами и гуляешь по лесу вот так просто. Весьма необычные увлечения для юной девушки, — удивился Виктор.

— Это еще почему? — удивилась Рогнеда, смеяря его взглядом. — Что такого необычного в том, что мне нравится природа и я не упускаю шанса побывать вдали от цивилизации?

Видя растерявшегося Витю, Рогнеда едва сдерживалась, чтобы не закатить глаза в очередной раз и не разобраться с ним на месте.

— Это удивительно. Никогда прежде не встречал и не общался с такими девушками, — оправдывался он, виновато улыбаясь.

— Спасибо, сочту за комплимент, — сказала Рогнеда, проходя вперед с корзинкой в руках.

— Просто когда ты написала про свидание на природе, я представлял себе миленький пикник на поляне или берегу озера, но это, — Виктор развел руками, словно пытался обнять округу, — превосходит все ожидания.

Рогнеда, скрипя зубами, натянуто улыбнулась, проклиная сегодняшний день в сотый раз. Ей претит так притворяться и распыляться перед Виктором, который раздражал с каждой минутой все сильнее и сильнее.

С самого начала Рогнеде не нравился план: гораздо проще было бы подождать и поймать мужчину на преступлении, однако Забава настояла на своем. Она заверяла, что с наступлением холодов Виктор оставит охоту до весны, а позже переберется в другой лес, продолжая безнаказанно браконьерствовать. Будут ли там существа, которым не все равно на происходящее, — неизвестно, поэтому Забава уговаривала подругу вмешаться.

Рогнеда, поддавшись на ласковые и убедительные речи, решила разобраться с Виктором как можно скорее и желательно без кровопролития. Подобные меры явно не понравились бы богине Моране, ведь она отслеживала судьбы каждого человека и существа и не терпела случайных жертв.

Рогнеда не раз запугивала охотников вместе с мавками: заводила звероловов в глубь чащи и порой даже перевоплощалась, пока пронырливые и юркие духи девушек насылали галлюцинации на жертв. В страхе люди бежали прочь, не рискуя возвращаться.

Так Рогнеда решила поступить и в этот раз. По напутствию мавок создала профиль в социальных сетях, нашла Витю и представилась обыкновенной девушкой, начав безобидную переписку. О первом

СУДОРГЧНЫЙ СКАЗ

свидании договорились через несколько дней, и молодой мужчина сразу не понравился Рогнеде. Он показался ей чересчур обходительным, двуличным и слишком уж настырным. Однако все намеки Рогнеды и разговоры про охоту оставались словно незамеченными, поэтому она стала сомневаться в браконьерстве Виктора. Поделившись мыслями с Забавой, которая опять удумала сказываться обиженной, Рогнеда решилась на отчаянный шаг: на очередном свидании отвести Витю в тот самый бор, где он злодействовал, и присмотреться к его поведению.

Теперь они бродили на свежем воздухе около двух часов, в течение которых слова мавок все же подтвердились. Виктор ступал очень тихо, легко определял направление пути, замечал едва видимые тропинки и следы зверей. Когда мужчина запросто распознал ловушку, которую мог поставить только опытный охотник, Рогнеда окончательно поверила Забаве. Внутри ее тут же разгорелась лютая неприязнь, граничащая с ненавистью, а желание расправиться с ним усиливалось, но нужно было выждать определенного момента.

— Кстати, ты так и не рассказала, откуда так хорошо знаешь эти места, — проговорил Витя, поддевая носом ботинка кучу опавших листьев. Он внимательно посмотрел на Рогнеду, улыбаясь, хоть глаза и оставались холодными. — Может, расскажешь?

Она замерла: простой вопрос поднял в ее душе ворох тягостных воспоминаний, все еще отзывающихся щемящей болью в груди.

Рогнеда родилась очень давно: в середине семнадцатого века. Она рано осталась сиротой и жила в ветхой избушке на краю деревни.

Родительское хозяйство было бедным: немолодая корова, три козы, скудный огород на худой земле и обветшалая печка. «Заботливые» соседки настойчиво уговаривали девчущку избавиться от скотины, чтобы выручить пару монет, но Рогнеда никого не слушала. Она слишком сильно привязалась к животным, цеплялась за них, словно они могли вернуть ей счастливые моменты, когда родители еще были живы. Поэтому поклялась, что ни один нож не тронет ее зверей.

Она жила дикаркой в худой лачужке, но зато в окружении пушистых и пернатых друзей. Рогнеда старалась всячески заботиться о них: обрабатывала раны, подкармливала каждого, выхаживала брошенных и больных. А те в награду приносили ей гостинцы: ягоды, коренья, грибы и цветы, точно в сказке. Так Рогнеда и дальше жила бы в одиночестве и покое, но приключилось несчастье, навсегда изменившее ее.

Однажды, бродя по лесу, ставшему ей вторым домом, в поиске грибов, Рогнеда увидела, как сосед-душегуб и его дружки решили известить маленьких лисят, что жались к умирающей матери. В душе девицы пробудился настоящий гнев, толкнувший на необдуманный шаг. Она подкралась к мужикам, притаившимся в засаде, и швырнула в них шишку. От этой выходки лисята испугались и тут же умча-

лись, мелькая рыжими хвостами. Но пока Рогнеда счастливо смотрела им вслед, мужики быстро поняли, что случилось и кто виноват.

Они стали медленно окружать «дикарку», но Рогнеда успела их заметить и подскочила, встретившись взглядом с недругами, они ухмылялись. Страх заставил ее мгновенно рвануть с места в темную чащу. Она бежала, не разбирая троп и ориентиров, перепрыгивала через коряги и кочки, но охотники не думали отставать. Они гадко потешались, заставляя Рогнеду двигаться быстрее. Отчаяние дурманило голову, удары сердца отдавались в ушах, а злые голоса слышались прямо за спиной. Из последних сил Рогнеда добежала до густых зарослей кустарника и притаилась там, шепча молитву лешему.

— Эй, земля! Прием, как слышно, прием? — Голос Виктора вывел из нахлынувших воспоминаний. — Ты чего застыла-то?

— А? — Рогнеда ошарашенно посмотрела по сторонам, сбрасывая морок, и, окончательно придя в себя, кивнула: — Все нормально. — Отряхнув куртку от невидимой пыли и поправив шапку, зашагала глубже в чащу.

Много лет Рогнеда не вспоминала прошлое, предпочитая забыть его как страшный сон, а тут внезапный вопрос пробудил давние переживания и страхи. С тех пор она стала сильнее, умнее и хитрее. «Никто и никогда не сможет меня больше застать врасплох», — любила повторять самой себе.

Виктор бросил на нее обеспокоенный взгляд, но смолчал — ссориться с чудной особой не хотелось. Конечно, он совсем иначе представлял их пятое свидание, но раз уж сказал, что выбор места за дамой, то нужно держать слово. По этой причине и приходилось покорно брести следом и собирать грибы.

— Так что расскажешь-то? Откуда про лес прознала? — Витя наклонился за лисичками и бросил их в корзинку. — Только не говори, что бываешь тут каждые выходные, — попытался безуспешно пошутить мужчина.

— Мой дед был здесь лесничим, — протараторила Рогнеда заученную по наставлению мавок легенду. — Он таскал меня с собой повсюду. Так что не бойся, дорогу назад быстро найду. — Взглянула на вечернее небо. — Выведу отсюда — еще сумерки вершин не коснутся.

— Иногда ты разговариваешь странно, по-старинному, что ли, — заметил Виктор, вертя в руках поганку.

— Уж извини, как умею, так и разговариваю, — огрызнулась Рогнеда.

Колючий, подобно морозу в ясный день, взгляд заставил мужчину тут же замяться.

— Прости, — виновато протянул он, отбрасывая находку. — Простое наблюдение, не хотел обидеть.

Махнув рукой, Рогнеда срезала масленок и, положив его в корзину, двинулась дальше, обходя деревья и пни.

Мужчина шел за ней по пятам, не желая упустить из виду. Рогнеда ступала уверенно и тихо: не реагировала на скрежет ветвей в вышине и словно совсем не боялась отдаленных переговоров диких животных. Смутная тревога душила Витю, но он упорно пытался отогнать дурные мысли и казаться предельно расслабленным и довольным. Подозрение, что Рогнеда — опытная охотница, не отпускало с самого начала: уж больно легко она распознавала ловушки, оставленные его умелой рукой, а легкая поступь только усиливала впечатление. Однако спрашивать он не стал: решил просто наблюдать и притворяться глупым малым, ожидая, пока девушка проявит свои таланты сама.

Спустя несколько минут впереди мелькнула яркая коричневая шляпка гриба, и в раздумьях Виктор наклонился за находкой, особо не разглядывая.

— Не трогай! — вдруг завопила Рогнеда. — Ты совсем не разбираешься, что ли? Это же сатанинский, им отравиться можно. Если не знаешь, так спроси. Еще бы попробовал, вот было бы веселье, — процедила она, исподлобья глядя на спутника.

— Гриб как гриб. — Виктор пожал плечами, отряхивая руки. — Ты похожие срывала. Думал, что это такие же.

— Думал он, как же, — процедила Рогнеда и отвернулась.

— Ну прости. — Виктор осторожно положил ладонь ей на плечо. — Я действительно не разбира-

юсь в грибах, но мне повезло, что рядом оказалась такая прекрасная, умная, внимательная и добрая девушка. С этого момента считаю тебя своей спасительницей, которая достойна награды!

Рогнеда сдерживалась изо всех сил, чтобы не сбросить руку с плеча и не ударить наглеца, который продолжал так складно врать. Решив, что начатое стоит довести до конца, она продолжила свой маленький спектакль, сетуя, что повелась на провокации мавок. «В следующий раз точно заставлю Забаву так унижаться и лебезить. С меня хватит», — решила она.

— Как же? — Рогнеда прищурилась, потирая кончик носа.

— Ну... — замялся Виктор, подбирая слова. — Во-первых, улов у нас солидный. — Рогнеда прыснула в кулак, глядя на его практически пустую корзинку. — Во-вторых, я знатно проголодался, думаю, как и ты. Ну и, наконец, в-третьих, на улице начинает темнеть и холодать. Следовательно, нам пора домой, где будет тепло и много еды. Что скажешь?

На душе Рогнеды заскребли кошки, давая понять: или сейчас, или никогда. Тяжело вздохнув и прибегнув к магии, она посмотрела прямо в глаза мужчины. Только сейчас, находясь в лесу, девушка могла прочитать тайны Вити, связанные с бором. Воспоминания словно яркими всполохами отобразались в его взгляде, выдавая все тайны: он прекрасно знал местность; приезжал сюда много раз и творил ужасные, непростительные дела, убивая

СУДОРГЧНЫЙ СКАЗ

животных и потроша их шкуры. Рогнеда прикусила щеку, не позволяя своей истинной природе проявиться раньше времени, и с лукавой улыбкой произнесла:

— Скажу, что согласна, но при одном условии — ужин с тебя.

В этот момент Рогнеда ясно ощутила исходившие от Вити эмоции: страх, подозрение и отвращение. «Хоть в чем-то наши мысли совпадают», — подумала она, скрывая ухмылку.

— Без проблем, — согласился он. — Надеюсь, ты не против, если мы заедем и купим еды по пути? — Рогнеда покачала головой. — Тогда идем? — Виктор попытался взять ее за руку, но девушка отскочила в сторону.

— Догони сначала, — бросила Рогнеда и, поманив за собой, побежала к оставленной на поляне машине.

Довольно хмыкнув, Витя помчался за ней, одобряя игривый настрой — хоть что-то интересное за весь вечер. Поймать девушку — левая задача, если бы не постоянные кочки и корни, которые словно вырастали на каждом шагу. Когда Виктор настиг Рогнеду и уже готов был дотянуться до нее, она проворно ушла вбок, словно могла видеть затылком.

— Что, силенок не хватает? — Рогнеда, показав язык, повернула влево.

Раззадоренный мужчина ускорился, однако спустя пару метров дышать стало труднее — тропинка круто брала вверх.

— Не догонишь, не догонишь!

Насмешки подхлестывали, но силы быстро иссякали, а лес словно не кончался.

— Сдаешься? — издевалась Рогнеда, даже не думая скрывать торжества.

— Ни... за... что... — сквозь одышку выдавил Витя.

Под ногами путались поваленные деревья, ветки цепляли одежду и норовили угодить в глаза. В какой момент корзина выпала из рук — мужчина не понял, увлекшись погоней. Легкие горели, мышцы ныли, испарина покрыла лицо, пульс бил по ушам, но сдаваться Витя не был намерен.

Вдруг меж стволов замаячил просвет, означавший только одно — дальше расстилалась поляна, на которой они оставили машину. С торжествующей улыбкой Виктор ринулся вперед и выбежал на луг, уже утопающий в сгущающихся сумерках.

— Рогнеда! — Виктор остановился, выравнивая дыхание. — Я сдаюсь... Ты выиграла... — еле проговорил он, ковыляя к автомобилю. — Выходи.

Сумерки расстились по поляне, температура стремительно понижалась, а лес превращался в жуткое место, пускай Виктор и бывал в нем не раз.

— Рогнеда, выходи, — позвал он, приближаясь к машине.

Тишина. Желание припугнуть мелкую заразу, которая, видимо, притаилась за автомобилем, заставило мужчину отыскать в кармане ключи и нажать кнопку автозапуска. Двигатель зашумел на всю

округу, но Рогнеда по-прежнему молчала. Раздраженно тряхнув головой, Виктор обошел машину и замер. Никого. Только корзинка с грибами.

— Эй! Где ты? — Он огляделся. — Это уже не смешно! Выходи!

Протяжный волчий вой раздался со стороны леса. Вороны черной тучей взмыли ввысь. Карканье раскатом пронеслось по округе. Но ни звонкого смеха, ни мелодичного голоса — никакого намека на присутствие девушки.

— Рогнеда! — вновь позвал Виктор, стараясь не поддаваться панике. Дурное предчувствие витало в воздухе, заставляя его озираться. Никогда прежде он не подумал бы о том, что может кого-то бояться в лесу. Обычно выходило наоборот.

Небо постепенно затягивалось сгустившимися тучами. Луна едва показалась и тут же скрылась за темным облачным лоскутком, не желая смотреть. Поднялся холодный, пронизывающий до костей ветер. Виктор всматривался в тени леса, пытаясь разглядеть девушку, но тщетно. Он точно помнил, как она выбежала на поляну и скрылась за машиной.

— Рогнеда!

Дурное предчувствие разрасталось в душе. Рассудок кричал, что нужно садиться в автомобиль и уезжать, пока не стало поздно. Ведь на самом деле Виктор ничего не знал о девушке: ни адреса, ни семьи, ни работы. Он даже возраст ее не мог вспомнить. Вдобавок ее поразительные навыки ориенти-

рования в лесу с самого начала хоть и впечатляли, но заставляли предполагать худшее — все кричало о том, что она задумала дурное.

Еще раз посмотрев по сторонам и никого не заметив, Виктор сжал ключи. Решил, что поедет в полицию и сообщит о пропаже Рогнеды, а там уж должны со всем разобраться. Покаявшись, что оставит знакомства в социальных сетях, он потянулся к ручке двери.

— Бу!

Виктор подпрыгнул от испуга. Рогнеда стояла напротив и хохотала, держась за живот.

— Обманула, как ребенка малого, — проговорила она, смахивая слезы из уголков глаз. Запугивать охотников ей всегда нравилось — они дрожали от страха и боялись лишний раз пошевелиться.

Отдышавшись, Виктор свирепо посмотрел на нее.

— Весело тебе, да? — его сильно раздражало все это. — Ну просто обхохочешься! Знаешь, я уже хотел отправить спасателей на твои поиски. Ходил тут, звал, придумал себе невесть что, а ты просто пряталась! А что, если я уже позвонил в полицию, а? Кто штраф платить будет? Только о себе и думаешь!

Он расплылся не на шутку. Желчь и яд вырывались из его души, а глаза смотрели жестоко — мерзкое нутро дало о себе знать.

При виде истинного облика Виктора, который он так тщательно скрывал все это время, Рогне-

да резко замолкла. Желваки заходили на ее острых скулах, рот исказился в кривой ухмылке. Вот оно, о чем твердили мавки, — гнилая сущность вырывалась наружу, а значит, утаивать свою природу Рогнеде тоже больше не было смысла. Если сначала она сомневалась и хотела отделаться лишь запугиванием, то теперь желала расправиться со злодеем, как и со всеми остальными, кто обижал беззащитных.

— Позвонил, говоришь? — Рогнеда подошла ближе. — Когда же ты успел? Что-то я не слышала, чтобы ты разговаривал. Или ты их силой мысли призвал? А может, ты нагло врешь, выгораживая свою трусливую натуру? — Шаг влево, предупреждая движения мужчины. — Спасателей вызвал? Штрафа теперь боишься? — Синхронный выпад вправо. — Разве мать с отцом не говорили тебе, что врать — плохо? Или ты позабыл все? Только брюзжать и других обвинять можешь? Что же ты за человек такой? Хотя я знаю, кто ты. — Ее губы растянулись в оскале, шепча: — Охотник.

Страх и раздражение поднимались в груди Виктора от брошенных обвинений — свидание приняло совершенно мерзкий характер. Как Рогнеда догадалась, кто он на самом деле — его уже не волновало. Сейчас гораздо важнее было другое — пора прекращать эту встречу и навсегда отделаться от неприятной особы. Они слишком задержались в лесу, и нужно было возвращаться, но девушка даже не думала уходить.

— Поедем домой? — наконец выдавил Виктор, сиюсь успокоиться.

Рогнеда молчала, пытаюсь совладать с эмоция-ми. В памяти вновь всплыли образы прошлого, когда она, как загнанный зверек, просила помощи у лешего среди бурелома. Надежда тогда покинула ее, и в сердце царило отчаяние, толкнувшее на безрассудный шаг: предложить свою душу темным силам, только бы выжить; отомстить каждому, кто измывался над слабыми; стать сильнее, чтобы защищать невинных. И леший услышал, внял сбивчивым молитвам и наградил девицу природой хищника, подарив облик исполинского серого волка. Тогда-то она и обратилась впервые. Выпрыгнув в своем новом теле, Рогнеда напала на поганого соседа-душегуба и его друзей и покалечила их, оставляя глубокие шрамы и увечья. Она до сих пор ясно помнила, как они уползали прочь, пронзительно крича от боли. Торжество от собственного могущества пьянило голову и вселяло чувство превосходства над всеми.

— Извини, — проговорил Виктор, громко вздохнув и все еще надеясь расстаться мирно. — Я виноват, признаю, но прошу — давай уедем отсюда. Уже темно и холодно, а назад дорога долгая.

Рогнеда вдруг обернулась, посмотрела на появившуюся луну и слегка улыбнулась.

— Пожалуйста, сядь в машину, — уговаривал Витя. У него возникло непреодолимое желание бросить девушку тут, но он сдерживался из последних сил.

СУМЕРЕЧНЫЙ СКАЗ

Рогнеда запрокинула голову и дико захохотала на всю округу. Природа вторила ей: ветер погнался за листьями, деревья гнулись под его натиском, вновь раздался волчий вой — мавки старались на славу, устраивая достойное представление. Стая птиц вдруг взмыла с деревьев и принялась кружить над поляной, предвещая беду. Взглянув на них, Рогнеда поняла, что больше нет сил сдерживать внутреннего зверя. Пора.

Предчувствуя дурное, Виктор схватился за дверцу машины, но Рогнеда резко метнулась вперед, сбив его с ног. Ошарашенный ее силой мужчина отполз подальше и вскочил.

— Прости, что обидел тебя, — он поднял ладони, ища примирения. — Прошу, давай поговорим спокойно. Уверен, что произошло недоразумение и мы можем прийти к компромиссу. Чего ты хочешь? Денег? Давай договоримся.

Но Рогнеда не желала слушать: ее глаза отливали безумным светом, руки дергались как у куклы, пока девушка наступала все ближе. Виктор попятился, но предательская кочка резко выросла под ступней, заставляя его упасть. Он сморщился от пронзительной боли в затылке и вдруг замер, глядя на Рогнеду.

Она встала перед ним и закричала. Рогнеда обращалась в громадного волка, готового защищать слабых от сильных любой ценой. Дрожа от страха, Виктор смотрел на противоестественные преобразования: одежда разрывалась, руки и ноги превраща-

лись в мощные лапы хищника, а шелковистые волосы сменились густой серебристой шерстью.

За один миг из миниатюрной девушки она превратилась в Серого волка, скалящегося в ночи.

При виде ледящего душу оборотня мужчина рванул вперед — ему всего лишь надо добраться до машины и уехать. Сердце колотилось как бешеное, перед глазами все плыло, тело словно совсем перестало слушаться. Реальность стремительно ускользала из-под ног. Каждый вздох обжигал, голова кружилась. Ему надо гнать отсюда прочь, подальше от чудовищных обитателей этого леса и монстра, приближающегося в ночи.

Едва владея собой, Виктор бросился наискось, но Рогнеда оказалась проворнее. В один прыжок она сократила расстояние и обнажила клыки, нависая над отчаянно хватающим воздух охотником.

Дом Рогнеды, Сумрачный лес, Навь

Тонкое покрывало тумана вновь расстиралось по земле, обволакивая округу густой и липкой завесой. Обычно спокойная и холодная Смородинка

сейчас стремилась бурным потоком вдаль. Утренняя тишина звенела в воздухе: ни одного призрака или упыря не слонялось вокруг.

Даже истинные волколаки, которые никогда не упускали возможности подшутить над происхождением, не досаждали Рогнеде. Они также обитали на берегу Смородинки, но держались стаей, гордясь тем, что являлись или потомственными оборотнями, или великими колдунами, которым открылось мастерство перевоплощения. Были среди них и воины, одолевшие волка в схватке: тогда поверженный зверь отдавал свое обличье победителю.

Рогнеда же не могла похвастаться такими успехами, ведь стала волком, продав душу. Поэтому-то стая никогда не упускала случая поиздеваться и высмеять одиночку. Однако Рогнеда не придавала этому никакого значения, гордясь тем, что, в отличие от них, помогала беззащитным и спасала жизни животных.

Оборотень сидела на поросшем мхом камне и стирала грязную одежду в темных водах реки Смородинки, не отмечая ее чудом потеплевших вод. Лицо Серой было опухшим, а под глазами пролегли синяки — так и не смогла уснуть. Остатки ночи провела, замечая в Яви следы «прогулки», а затем, вернувшись домой, принялась отмываться то в облике зверя, то в человеческом теле. Только стены ее избушки были свидетелями всех слез.

— Ну? Как все прошло?

Тихие шаги Забавы волчица различила сразу, но общаться с кем-либо не хотела — гадкое чувство отравляло изнутри, лишая сил.

— Ты же не обиделась на меня? — обеспокоенно спросила мавка. — Мы хорошее дело совершили, теперь на еще одного вредителя меньше.

— Скверно это все, — процедила Рогнеда сквозь зубы. — Не люблю я так проблемы решать. Каждый раз потом мучаюсь кошмарами.

В отличие от многих обитателей царства мертвых Серая сумела сохранить способность спать и есть. Остальные же могли спокойно обходиться без примитивных потребностей.

— Бу-бу, а говорила, что отважной защитницей станешь, — буркнула Забава и тут же подпрыгнула при виде волчьего оскала. За столько лет так и не привыкла к «фокусам» оборотня.

— Вот именно: защитницей, а не убийцей! — рывкнула Рогнеда. — А для тебя это словно одно и то же! Конечно, легко рассуждать, когда последние двести лет сидишь и только плетешь веночки, пока верный волчок Рогни разделяется с неудобными. И не смей мне сейчас вещать про долг — точно сорвусь!

— Тише, тише, не кусайся. — Мавка примирительно подняла руки и поспешно вытащила из кармана сарафана ягоды, протягивая их оборотню, но та лишь фыркнула, отказываясь. — Ты что, действительно убила его? — прошептала Забава, виновато пряча взгляд.

Она прекрасно помнила завет Рогнеды: не со- ваться к ней во время охоты, а сидеть тихо и мирно в укромном месте, помогая оттуда строить иллюзии. Оборотень всегда переживала, что разум может покинуть ее в любой момент, и она сорвется, превращаясь в безжалостную убийцу. По этой причине Забава не знала ничего про то, что произошло на поляне перед ее родным бором.

— Зачем спрашиваешь? Боишься, что его при- зрак мстить придет? Или муки совести унять же- лаешь? Ты-то оказалась не при делах: всегда милая и невинная девчушка с очаровательной улыбкой. Вот только ты способна глотку разорвать не хуже меня, но вечно строишь из себя эталон добродете- ли. Конечно, ручки пачкать никто не любит, — при- читала Рогнеда, злясь больше всего на себя.

Забава не ответила, лишь пристроилась рядом и стала помогать выжимать мокрые вещи, избегая смотреть на едва сдерживающую слезы подругу.

Рогнеда ненавидела свою хищную ипостась с давних пор. Поначалу сильное тело зверя вселяло могущество, и все враги казались ничтожествами. После расправы над соседом и его дружками, ко- торые навсегда остались калеками, Рогнеда верну- лась домой и продолжила жить как ни в чем не бы- вало. Однако с каждым днем все больше понимала: теперь ей нет места среди обычных людей. Сосед и его прихвостни хоть и боялись ее, все же броса- ли косые взгляды и перешептывались с остальны- ми жителями, натравливая их на Серую. Вся окру-

га вскоре не чуралась досаждать Рогнеде: ломали забор и плодоносные деревья, воровали с огорода, а однажды и вовсе удумали спалить сеник.

Тогда-то она и решилась уйти в дремучий лес, где целый век прожила под защитой лешего. По его приказу многие охотники слегли от когтей девицы-оборотня, но каждая отнятая жизнь зияла глубокой раной на сердце Рогнеды. Она возненавидела саму себя за жестокость, однако дороги назад не было — душа ее теперь принадлежала Нави.

Окончательный переход в мир темных сил состоялся, когда волчице минуло сто одиннадцать лет. Морана приняла Рогнеду и велела ей, как и многим другим, защищать границы Сумрачного леса, откуда никто не возвращался живым. На желание оборотня оберегать земли в Яви богиня прикрыла глаза: возможно, не одобряла, но и отговаривать не стала.

Благодаря разрешению верховного лешего Сумрачного леса — Дубровца — Рогнеда соорудила на берегу Смородинки маленькую избушку, в которую часто заглядывали души почивших животных и мавки. Остальные существа держались от оборотня подальше — она казалась им слишком резвой и неуместной в их царстве мрака.

Мавки часто наводили Рогнеду на разоренную местность и браконьеров. С ними-то и приходилось разбираться порой самыми жесткими методами, но иного выбора не было: долг обязывал защищать. Так и вышло с землями Сосновца, хозяина того леса,

где вчера Рогнеда желала разделаться с охотником, но не пришлось: сердце мужчины не выдержало ужасного облика оборотня, и Виктор скончался на месте.

— Сам он почил, я не испачкала руки, на этом хоть спасибо, — наконец прошипела Рогнеда. — Только все равно скверно, знаешь ли.

Она корила себя за слабость и нежелание быть жестокой, но поделаться ничего не могла. Видя переживания подруги, Забава чуть приобняла ее за плечи и хотела утешить, как вдруг раздался оглушительный рев, затрещала земля, а вода в реке пошла паром, заставляя девушек отпрыгнуть.

— Не к добру это, — жалобно прошептала мавка, юркнув за спину Рогнеды.

Последняя перевела взгляд на запад и вдохнула полной грудью. В легкие тут же забрался запах костра и жженой травы. Только сейчас Рогнеда обратила внимание на давящую тишину и ощутила повисшую в воздухе тревогу. Приглядевшись, она заметила, что вдалеке тянулся ввысь изогнутый столб сизого дыма, но пламени видно не было. Плохое предчувствие больно кольнуло грудь — нужно проверить, что еще случилось прошлой ночью.

— Возвращайся к себе, Забава. — Рогнеда решительно встала, натягивая любимый плащ. — Я разберусь.

— Удачи, — пожелала мавка и убежала, сверкая босыми ступнями.

КАЙСА ЛОКИН

Проследив за исчезающей меж кустов Забавой, Рогнеда развернулась и поспешила к горам Отшельницам, откуда исходил едкий запах. С каждым шагом дышать становилось труднее, а земля все больше скрывалась под слоем пепла. Все это означало только одно — Змей Горыныч в гневе.

ЗМІЙ ГОРИНЬЧ

*«Мост Калинов всю жизнь охраняй, речку
Смородинку от чужаков оберегай. Чтоб
не было больше напрасных жертв, чтоб
не было больше подобных тебе».*

Наказ Змею Горынычу от богини Мораны

*Незадолго до этого, дом Кирилла,
граница Яви и Нави*

— Когда мы уже сходим в ту пещеру? — Звонкий голос разрезал тишину. — Она же недалеко! Ты все обещаешь, а не делаешь. Совсем меня не любишь.

— Ну что за глупости, Зоя? — Кирилл набросил на худые плечи девушки теплый плед. Они стояли на балконе его особняка, пока небо багровело от закатных лучей. — Разве я дал повод усомниться в своих чувствах?

— А почему тогда не можешь сводить меня на другой берег? Почему я только и слышу про завтра? Ты что, хранишь в том гроте свои секреты? — голубые глаза злобно сверкнули.

Кирилл изумленно уставился на нее, поражаясь быстроте необоснованных и нелепых выводов. Только что она рассказывала про пустяковые ситуации на работе, а теперь сыпала обвинениями, которые были не так уж далеки от истины. Он действительно хранил там секреты.

Зоя перебралась к Кириллу два месяца назад и с первого же дня загорелась навязчивой идеей схо-

дить на другой берег протекающей рядом реки. Горы-великаны тянулись плотной стеной, подле которой разлежся лес с острыми шпильями сосен и скрипучими ветвями бурелома. Бурный горный поток стекал с вершин, образуя высокий водопад, за которым виднелась проклятая пещера — вход в сокровищницу Кошца Бессмертного.

Именно туда и манило Зою. По законам потусторонних обитателей она не могла видеть ни Калинов мост, ни противоположный берег — земли Нави. Сильнейшая магия должна была отпугнуть девушку и не подпускать к царству мертвых за сотни верст, но присутствие рядом Кирилла развеивало любые иллюзии и защищало от чар. Не ведая правды, Зоя все время упрашивала прогуляться к «потрясающему водопаду», к которому дорога живым была закрыта. Однако рассказывать об этом девушке Кирилл не спешил — полагал, что еще не время раскрывать тайны. Неизвестно, как Зоя отнесется к его секретам: вдруг отвернется и бросит, вновь оставляя его в полном одиночестве, а рисковать Кирилл не хотел.

— Что молчишь? Угадала, да? — Зоя взбрыкнула, скидывая плед и вырывая мужчину из размышлений.

— Ну что ты такое говоришь? — Он крепко обнял ее, игнорируя вялые протесты. — На том берегу нет ничего примечательного: такой же лес, и ничего более. Поэтому я просто не понимаю твоего повышенного любопытства. Что там может быть такого, Зоя?

Не удостоив его взглядом, Зоя упрямо отвернулась, вновь рассматривая берег, покрытый покрывалом жухлой листвы. Огромный многовековой дуб одиноко рос подле деревянного моста через реку Смородинку. Даже стоя на балконе, Зоя могла поклясться, что видела, как поднимается пена у подножья водопада.

— Чем дальше ты молчишь и отнекиваешься, тем мне больше кажется, что ты скрываешь там свои мрачные тайны. Признавайся: за водопадом хранилище скелетов или секретная лаборатория? — предположила Зоя, обнимая себя за плечи — зря сбросила плед. — Правда, у мужчины, живущего одиноко в лесу, наверняка есть что скрывать. Может, у тебя и жуткий подпол имеется? А все твои слова про наследство от деда-лесничего — это лишь предлог?

Кирилл покачал головой: Зоя и не предполагала, как она была права, ведь никакого деда не существовало и в помине. Десять лет тому назад колдовской сон, насланный на Кирилла, разрушился, и он пробудился в теле молодого мужчины, коим был в далеком прошлом. Великая богиня Морана позволила ему существовать между Навью и Явью, взяв с него клятву оберегать Калинов мост и завесу между мирами.

Так Кирилл отстроил себе дом в лесу — вдали от навязчивых соседей из царства мертвых и шума Яви, слишком изменившейся с момента его смерти. Он обосновался на границе межмирья, выполняя предназначение и сказываясь обычным человеком.

Все удобства и даже условная работа — нюансы, чтобы только казаться все еще живым. Будучи мертвецом, он решил брать от существования все, что можно. Магия исполняла любой каприз, небьющееся сердце позволяло не стареть, а обличье трехглавого Змея Горыныча вселяло уверенность и силу, перед которой любой готов был трепетать, — идеальная жизнь, о коей раньше не смел мечтать.

Раньше жизнь Кирилла контролировалась злобой и коварной ведьмой Маринкой, которая питалась его чувствами. Она умело манипулировала им, внушала свои мысли и обманывала, уверяя, что любит и желает только добра. Вместе они творили страшные дела: разрушали селения, убивали в пламени деревни и сеяли смуту. Никто не мог обуздать трехглавого зверя, которым руководила Маринка.

Кирилл вздохнул, стараясь не вязнуть в образах прошлого и пряча лицо в русых волосах девушки. За все время знакомства Зоя никогда не отказывалась от своих намерений, поэтому рассчитывать на уступки — наивная беспечность. Терять девушку, с которой было весело и, самое главное, не одиноко, совсем не хотелось, а если не сходить с ней вместе, то она непременно полезет сама. Посетить грот — несложно, главное — выйти и не накликать на себя ненароком беду, ведь от колдовства, которым насквозь была пропитана сокровищница Кошца, уйти не просто. Однако присутствие Кирилла значительно ослабит силу чар, и Зое ничего не будет угрожать, если только она не прикоснется

СУМЕРЭЧНЫЙ СКАЗ

к сокровищам. Тогда любая магия будет бессильна. Много лет опытные чернокнижники пытались извести порчу, но ничего не помогало, а потому был наложен простой запрет: ничего не трогать.

С усмешкой Кирилл вспомнил первую встречу с Зоей: упрямица сама завязала с ним разговор в клубе и не думала отставать ни на миг. Змей такой настрой оценил: красавица помогала заглушить одиночество и дарила обманчивые чувства. Обнимала, словно действительно любила, а не развлекалась, и Кирилл поддавался, не желая признаваться даже самому себе, что ничего не испытывает к ней. Ему нравилось чувствовать себя значимым, любимым, даже если это было ложью. Его жизнь наконец-то начала складываться как надо. Больше не было витязей, желающих дракону смерти, и рядом не крутилась Елена Прекрасная, чей облик спустя столько лет все же отзывался тоской в груди. Не было и коварных ведьм, в словах которых никогда не было правды.

Картины, антиквариат, машины, пошитые на заказ костюмы, исполнение практически любого желания по щелчку пальцев — теперь Кирилл мог позволить себе все, что угодно. Он пристрастился проводить в Яви шумные и веселые вечера в компании упыря Казимира, с которым легко нашел общий язык. В царстве мертвых Змей близко общался только с Рогнедой, которая всегда внимательно слушала и не жалела советов. Однако Серая настаивала на том, что ничем хорошим не кончится слишком раз-

гульная и бурная жизнь стража завесы между мирами, но Кирилл отмахивался, беззаботно отдаваясь потоку, к которому спустя столько времени удалось прикоснуться.

— Хорошо. — Кирилл сдался. — Мы ходим с тобой на тот берег и посетим пещеру, и ты убедишься, что ничего интересного там нет.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — Зоя засияла от радости и прильнула к его крепкой груди.

— Но при одном условии, — девушка удивленно уставилась на Кирилла: — Ты не отойдешь от меня ни на шаг, ни к чему не прикоснешься и никогда не будешь перебираться туда в одиночку, — потребовал он, заставляя Зою недоверчиво нахмуриться.

— Почему? Боишься, что заблужусь? — усмехнулась она, запуская ладонь в его густые каштановые волосы.

— Мост постоянно гниет, — на ходу выдумывал Кирилл. — Наступишь не туда и тут же провалишься в воду. Не думаю, что тебе это понравится, — Зоя покачала головой. — Значит, договорились? Обещаешь, что не нарушишь слова?

Зоя подмигнула, и Кирилл понял, что она согласится на все, лишь бы ее желание осуществилось: в этом они были невероятно похожи.

На следующий день пара отправилась на противоположный берег. Деревянная переправа оказалась Зое прочной, но Кирилл попросил в точности повторять его движения: шаг по левой стороне,

два по правой, четыре в центре, один посередине и снова три справа. Такую точность Кирилл легко объяснил: он менял весной худые доски на новые и отлично помнил, где самые прочные. Аккуратно ступая за ним след в след, Зоя пробралась на другую сторону и блаженно улыбнулась — она почти что получила желаемое. Однако стоило только оглядеться, как Зою ожидало разочарование, а Кирилл едва сдерживался от саркастичных замечаний. Он ведь предупреждал, что здесь не стоит искать чудес. Все тот же мрачный лес, увядающая трава, одинокий дуб, вот только гулял слишком холодный ветер. Поежившись, Зоя перевела взгляд на высокие горы, которые вселяли чувство собственного ничтожества перед их исполинским великолепием.

— Идем? — спросил Кирилл, скрывая ухмылку. Он знал, что находиться рядом с горами Отшельницами не просто — они веками хранили в себе столько магии, что порой даже ему было сложно устоять перед ней.

— Да-да, — Зоя заторопилась и повела плечами, стараясь сбросить наваждение. Она слишком долго добивалась прогулки сюда и так просто не сдастся, поэтому, не обращая внимания на словно предупреждающий шелест ветвей дуба, уверенно зашагала за Кириллом. Обойдя шумный поток водопада по скользким камням, они нырнули в полумрак.

На удивление пещера оказалась совсем не узкой и темной, а достаточно широкой. Не было

и спертого воздуха, от которого бы мигом закружилась голова. Вместо этого тело окутывали прохлада и свежесть, а просторный зал плавно уводил вниз. Ожидаемая непроглядная тьма рассеивалась дальним отблеском света впереди и лучами включенных фонарей, которые предусмотрительно захватил Кирилл.

— Ты бывал здесь не раз, верно?

Кирилл кивнул, продолжая идти вперед. Магия вибрировала в воздухе, и ему необходимо было прислушиваться к каждому звуку, контролировать местоположение Зои и постоянно развеивать чары, которые могли бы свести с ума любого. С каждым шагом становилось все сложнее мыслить ясно и оставаться внешне спокойным. В глубине души Змей уже не раз проклял себя за поспешное решение и потакание желаниям девушки.

В тишине, разрушаемой лишь далеким шумом водопада, они продолжали спускаться глубже. Осматриваясь по сторонам, Зоя предвкушала найти наскальные рисунки, останки или хотя бы брошенную утварь, но встречались только пустота и камни. Вся пещера казалась совершенно нетронутой рукой человека.

— Здесь так чисто, — заметила Зоя. — Ты ведь говорил, что здесь бывают туристы. Неужели никто не оставил даже мусора? Да и как сюда вообще добираются? Через твой дом?

— Я сказал, что бывают, но не частые, — недовольно процедил Кирилл. — Мало кто знает об

СЪЗВЕРЧНЫЙ СКАЗ

этом месте, поэтому не думай найти здесь что-то стоящее. Прошу, не отставай.

Мелкие камешки хрустели под ботинками, потоки ветерка чуть касались кожи, пока спутники спускались ниже. Зоя изводила Кирилла и постоянно задерживалась, подсвечивая каждый угол фонарем. Желание бросить все и вернуться домой силилось в груди Змея, но он, подхлестываемый страхом одиночества, упорно продолжал идти, пытаясь контролировать магию.

— Кир, а как давно ты перебрался в эту глушь? — спросила Зоя, не в силах больше терпеть молчание. Обычно милый и сговорчивый Кирилл теперь казался ей злым и холодным.

— Я же уже говорил, — отрезал Змей. Легенду о своей жизни он позаимствовал из любимой байки Рогнеды про родственников лесничих.

— Просто как-то немного дико, что ты живешь здесь совсем один, а рядом только лес. Я-то думала, что хотя бы здесь бывают туристы, но теперь понимаю, что они — явление крайне редкое. Здесь только природа и ничего более, — с нескрываемым разочарованием рассуждала Зоя.

— А я ведь предупреждал, — съязвил Змей.

Зоя цокнула языком

— Ну говорил, и что с того? Зато теперь я убедилась сама, — надменно произнесла она.

Кирилл стиснул зубы и подал ей руку, помогая перебраться через крупный валун. Характер у Зои действительно был под стать его собственному, что

раздражало и нервировало, но Кирилл терпел и ее колкости, и нарастающие волны чар, которые грозили сломить его в любой момент. Дышать становилось сложнее, но Зоя ничего не замечала и бодро шагала рядом, вертя фонариком.

— Все равно не понимаю, как ты мог оставить цивилизацию ради глуши, — пренебрежительно заметила она.

— Каждый выбирает то, что ему под стать, — меланхолично заметил Кирилл. Он точно не станет посвящать ее в собственные тайны.

Пытаясь не потерять связь с реальностью, Змей и не заметил, как извилистая, усыпанная сталагмитами дорожка вывела их к озеру, скрывающемуся за неестественно огромными каменными колоннами. Вода точно сияла в блеске многочисленных кристаллов, покрывших потолок и стены грота вплоть до самой кромки воды. Самоцветы переливались оттенками голубого и озаряли пространство, наполняя его магическим свечением.

— Какая красота, — восхитилась Зоя, присаживаясь у озера. — И это ты называешь «ничего интересного»? — недовольно воскликнула она. — Да это же настоящее сокровище! А ты не хотел меня сюда приводить.

Кирилл равнодушно пожал плечами и облокотился на выступ, пытаясь совладать с собой. Весь зал сокровищницы был насквозь пропитан черной магией, которая душила и отравляла его так, что он едва стоял на ногах. Перед глазами все плыло, а из

носа потекла тоненькая дорожка крови. Надо срочно уходить отсюда, пока еще есть силы противостоять проклятию.

Однако Зоя не замечала состояния Кирилла. Она, как зачарованная, ходила вокруг озера и любовалась отблесками самоцветов. Таких драгоценностей Зоя никогда не видела: ни горный хрусталь, ни бриллиант, ни сапфир — ничто не шло в сравнение со здешними кристаллами. Они завораживали, манили к себе, уговаривали прикоснуться и казались драгоценностями словно из другого мира. Не в силах сопротивляться, девушка протянула ладонь к ближайшему.

— Не тронь! — воскликнул Змей, заставляя Зою испуганно дернуться. — Пораниться можешь, — попытался смягчить тон, но вышло скверно.

— С тобой все нормально? — только теперь Зоя заметила, что Кирилл словно посерел.

— Не особо, — сказал он и покачал головой. — Прошу, давай уйдем отсюда. Кажется, я приболел.

— Ну конечно, — недовольно бросила Зоя. — Очень вовремя.

Кирилл не отреагировал и попытался выровнять дыхание, прикрывая глаза и зажимая кружащуюся голову руками. Он понимал, что все обиды и капризы девушки сейчас зазвучат по-новому, ведь чары проникали в сердце и выворачивали самое дурное в душах. Эгоизм затмевал рассудок Зои и заставлял бегать от одной стенки сокровищницы к другой, желая урвать каждое мгновение. И, по-

забыв о предостережении, девушка не удержалась и протянула палец к крупному кристаллу. Но стоило только прикоснуться, как Зоя закричала от боли, зажимая ладонь.

— Ауч! — воскликнула она, с обидой глядя на самоцвет.

Кирилл с трудом раскрыл веки, пытаясь понять, что произошло. Но, увидев, как девушка держится за руку, мигом все осознал.

— Черт, Зоя! — разгневанно воскликнул он. — Я же просил ничего не трогать! Неужели так сложно запомнить?

Едва осязаемый запах крови тут же отозвался новой порцией боли: сокровищница ощутила присутствие живой души и взывала к стражу, умоляя его немедленно разобраться с нарушителем границ или оставить ее тут на вечные муки. Пропитанные насквозь проклятием кристаллы зазвенели в ушах Кирилла и словно потянулись к Зое, желая насытиться ею. Стиснув зубы и стараясь не упасть в обморок, Змей схватил женскую руку и осмотрел кровоточащий палец.

— Все нормально, — попыталась его заверить Зоя. — Это же обычная царапина, скоро пройдет. Тебе не стоит так волноваться.

Сознание оставляло Кирилла. Не в силах больше сопротивляться чарам, он взял Зою под локоть и потащил к выходу.

— Надо срочно обработать рану и вытащить осколок, — сказал Змей, проклиная себя за беспеч-

ность. Он и позабыл, что края самоцветов были неровными, чтобы жертва легко попадала в ловушку.

— Осколок? Откуда? — удивилась Зоя и попыталась вырваться, но Кирилл не думал ее отпускать. — Я просто порезалась, Кир. Не преувеличивай. И прекрати меня тащить как ребенка!

Она столько времени хотела сюда попасть не для того, чтобы уйти спустя десять минут. Тем более, когда вокруг такая красота: ей хотелось остаться и любоваться магическим свечением часами, а не покидать потаенное место в спешке. Зоя и не догадывалась о том, насколько сильно уже увязла в чарах, и если бы не Кирилл, то она бы начала сходить с ума.

— Я отпущу тебя, если обещаешь идти рядом, — процедил Змей, борясь с тошнотой.

— Да что ты так торопишься? — вспылила Зоя. — Подумаешь, поранилась! Тоже мне проблема. Не перелом же. Ты вообще какой-то странный! Живешь рядом с таким удивительным местом со всеми этими сокровищами, но никогда не рассказывал о нем. Ты хоть представляешь, сколько самоцветы могут стоить? Это же целое состояние!

Зоя оттолкнула его, потирая руку от крепкой хватки.

— Деньги, все всегда в них, да? Ты вообще не видишь, что мне плохо, а? — рявкнул Кирилл. Из носа у него шла кровь, а глаза заволокло тьмой. — Мир не вертится вокруг тебя и твоих прихотей. Хотела побывать в пещере — пожалуйста, сводил.

Довольна? Или я должен выполнить еще какое-то желание из бесконечного списка капризов, чтобы ты хотя бы элементарно поблагодарила меня? Ты только просишь и просишь, совершенно не думая о других.

Зоя молча выслушала гневную тираду, не испытывая ни капельки сочувствия. В ее глазах так и пылало презрение к Кириллу, который вдруг удумал казаться больным. Все не вовремя, все не так, как надо ей.

— Что молчишь? Правда глаза колет? — выпытывал Змей. — Прекрасно, меньше болтать будешь. А сейчас будь добра: следуй за мной, иначе останешься здесь в гордом одиночестве, — он стиснул пальцы на ее локте и потащил за собой.

Ему становилось все хуже. Здравый смысл подсказывал, что не стоило так обходиться с девушкой, которая ничего не знала о губительных свойствах пещеры. Ведь Кирилл сам согласился, а значит, здраво оценивал все риски и должен был предусмотреть самый плохой вариант, но все пошло наперекосяк. Кусая губы до крови и стараясь игнорировать настойчивый шепот сокровищницы, Змей ковылял прочь, ведя Зою за локоть. Она же специально замедляла шаг, постоянно оборачивалась и спотыкалась, но Кирилл упрямо шел дальше. Он вдруг осознал, что с легкостью оставил бы девушку тут, если потребовалось бы: уж лучше вечное одиночество, чем такие страдания во имя призрачных чувств.

Добравшись до дома, Зоя демонстративно громко хлопнула дверью и не выходила из спальни весь день. К ночи сознание Кирилла прояснилось, и он попытался извиниться, но встречала его лишь тишина. Змей пытался объяснить причины своего поведения и спрашивал про рану, но Зоя была непреклонна. Однако по его просьбе она все же обработала рану, но не смогла найти мистический осколок, о котором говорил Кирилл.

Последующая неделя работы заставила Зою вернуться в город и погрузиться в проекты. Однако ноющая боль в указательном пальце не давала покоя. Каждую ночь девушке снились самоцветы и магическое озеро.

Спустя неделю жажда прикоснуться к кристаллам не ослабла, и Зоя вернулась к Кириллу, не желая обсуждать ту прогулку. Змей, удивленный ее возвращением, несколько раз спросил Зою о ране и даже попытался осмотреть ее кисть, но девушка вырвалась, запретив прикасаться к себе и заверив, что все в порядке.

Не зная, как лучше объяснить Зое свое поведение, Змей отправился за советом к Казимиру — Рогнеда где-то пропадала все эти дни. Уход Кирилла из особняка стал для Зои праздником: она только и выжидала удобного случая, чтобы навеститься в пещеру.

Туманная пелена ползла из леса, а за камнями мелькали уродливые тени потусторонних существ, но девушка не обращала внимания. Горы манили

ее, палец пульсировал и точно жаждал вновь прикоснуться к заветным кристаллам. Поэтому Зоя, не раздумывая, ступила на деревянный мост и, забыв про наставления, двинулась по прямой. Она не заметила, как небо в один миг заволокло тучами, не почувствовала жгучего холода и ледящего ветра. Только лишь ветви дуба шелестели от стихии и будто пытались вразумить отчаянную.

Подсвечивая путь фонариком и аккуратно ступая меж валунов, Зоя добралась до озера и блаженно улыбнулась. словно сумасшедшая, она принялась ползать от одного самоцвета к другому, сильно сжимая их. Она плакала, смеялась в истерике и обещала никогда больше не покидать этого места. Кровь сочилась из ладоней, попадая на камни и оставаясь повсюду липкими пятнами. Проклятая сокровищница питалась заблудшей и беззащитной душой.

Сколько времени Зоя провела внутри — она не понимала. Однако дышать становилось все труднее: ранее ощутимая свежесть иссякла, осталась только невероятная духота. Стянув с себя куртку, Зоя принялась обмахиваться руками. Голова гудела, виски пульсировали, а глаза застилала пелена. Надо было выбираться, но тело совсем не слушалось, продолжая ластиться к холодным сверкающим сводам. Зачерпнув воды из озера, Зоя умылась, пытаясь сообразить, что делать дальше. Оставлять кристаллы не хотелось, но и находиться в гроте становилось невозможно. Отчаянная мысль кольнула висок, под-

толкнув к безумному поступку. Зоя ринулась к ближайшему кристаллу и принялась ковырять его из стены, шепча:

— Я вас тут не брошу. Ни за что.

Багряные ручьи стекали по гладкой поверхности камня, ногти ломались, кожа сходила с пальцев лоскутами, но девушке было все равно. Самоцвет будто шептал на ухо:

— *Спаси меня.*

Чужой колдовской говор дурманил, не позволяя ощущать дикой боли, что сковывала руки. Рассудок оставил Зою — проклятие поработило ее. Наконец с торжествующей улыбкой она вытащила кусочек самоцвета и прижала его к груди.

— Я тебя спасу, не бойся, — сбивчиво шептала она, укачивая кристалл, будто младенца. — Теперь все будет хорошо, я клянусь.

И в этот самый миг горы сотряс огушительный рев, прокатившийся гулким эхом по пещере. Самоцветы зазвенели и задрожали, с потолка посыпалась пыльная крошка, а камни под ногами треснули. Спокойное и чистейшее озеро вдруг вспенилось и покрылось густым паром. Парализованная страхом, Зоя смотрела, как вода с бешеной скоростью закручивалась и вскипала, а из глубины поднималось нечто темное и пугающее.

Как только Зоя перешла мост через Смородинку, Кирилл упал, корчась от боли. Клятва, данная Моране, одолела его, и не в силах сопротивляться зову, Кирилл помчался прочь из Яви, на ходу пре-

вращаясь в зверя. Портал в Навь образовался сам по себе, возвращая стража на его законное место. Рассудок оставил его: у дракона не может быть никаких чувств, кроме долга.

И теперь громадный зверь с тремя змеиными головами взмыл из озера и рванул в высоту, ломая пещеру. Камни посыпались со всех сторон, заваливая выход и круша кристаллы. Успев увернуться в последний миг от летящего булыжника, Зоя с ужасом наблюдала, как рушатся все сокровища, а в небе раскатисто рычит дракон. Не понимая, что происходит, девушка ринулась прочь, все еще прижимая к груди осколок.

Земля дрожала, пещера разрушалась, неминуемая гибель дышала в спину. Зоя едва успевала уворачиваться от падающих в смертоносной близости камней, спотыкалась, но все равно не сдавалась и крепче сжимала самоцвет.

Только добрав до дуба на берегу, она обернулась: пещера была полностью уничтожена, огромная дыра зияла в горе, а в высоте кружил черно-красный трехголовый Змей. Ведомая адреналином, Зоя помчалась к реке, надеясь добраться хотя бы до особняка.

Дракон словно этого и ждал: он тут же спикировал вниз, извергая пламя. Его рев сотрясал землю, и Зоя упала на колени, выставив руки вперед. Самоцвет тут же вонзился ей в ладонь, заставляя пронзительно закричать. Со слезами на глазах Зоя только сейчас заметила глубокие кровоточащие раны на

кистях. С воплем вытащив кристалл и отбросив его прочь, Зоя вскочила на ноги и захромала к переправе через бушующую реку.

Окрестности пылали от пламени дракона, кружащего в вышине. Огонь охватил округу, отчего пришел в негодность старый дуб. Один лишь мост оставался нетронутым вопреки всему, но времени на размышления у беглянки не было. Схватившись за деревянные перила, Зоя сделала первый шаг, как ее тут же отбросило назад магической силой — никто не смел покинуть Нави, коль пробудился страж. Древний закон определял судьбу нарушителя: его ждала смерть в объятиях пламени. Однако никогда еще ярость Змея не была столь разрушительна: он словно боролся сам с собой, пытаясь вернуться в облик человека, но чары были сильнее.

Новый поток пламени сорвался с небес. Зоя завизжала, но ее голос утонул в громовом рыке исполинского зверя. Каждая из трех голов, не ведая усталости и боли, разила пламенем во все стороны. Небо скрылось за размахом гигантских крыльев, от которых исходили потоки ветра, вырывающие деревья с корнем. Острые когти сверкали серебряным цветом и вселяли ужас. Языки пламени ширились и вырастали на глазах: вся земля утопала в красных всполохах, которые не оставляли после себя ничего. Новый поток пламени теплился в груди зверя, норовя уничтожить все живое.

Зоя, держась за ушибленную голову, попыталась подняться на ноги. Мост, охваченный со всех

сторон огнем, стонал, но упорно, словно зачарованный, сопротивлялся приближающемуся концу. Зоя судорожно пыталась придумать план, как вдруг вспышка боли заставила ее вновь упасть: коготь дракона прошелся по плечу, оставляя глубокие, кровоточащие порезы.

Девушка с трудом доползла на коленях до ближайшего булыжника и спряталась за ним. Каждая секунда промедления могла стоить ей жизни, но план спасения не приходил в голову. Сбежать в лес — жар и гарь заполонили округу. Ждать чуда точно не стоило — некому было спасти девушку. Сердце сжалось от сожаления, заставляя Зою проклинать саму себя: стоило послушаться Кирилла, и тогда бы ничего не случилось.

С высоты сорвался еще один огненный бич, вынуждая Зою взглянуть вверх: Змей кружил прямо над ее головой. Пламя разрасталось с невероятной скоростью, а дышать становилось невыносимо. Собравшись с силами, Зоя рванула к берегу и тут же прыгнула в бушующий поток реки. Но стоило только телу коснуться мутных вод, как Смородинка пошла паром и забурлила подобно котлу. Зоя попыталась подплыть к берегу, но тот неожиданно исчез перед ней. Река обезумела, вторя Змею, и накрыла девушку громадной кипящей волной.

Дракон еще долго ревел в высоте: никто на целом свете не мог обуздать ярость Змея Горыныча. Столетиями Кирилл в облике зверя защищал Навь от непрошенных гостей и оберегал сокровищницу

Кошья Бессмертного, как и было ему велено Мораной. Теперь же, когда Зоя нарушила границы и не послушала человека, пришел черед Змея, пламя которого уничтожало все на своем пути.

Дом Кирилла, граница Яви и Нави

Серое небо окутывал смог, что расстелился по реке и тянулся дальше в лес, скрывая силуэты деревьев и противоположный берег Нави. Воздух, пронизанный ночным пожаром, душил изнутри. Тусклое зарево разлилось в высоту, и одинокий солнечный луч проникал чрез гордые вершины елей, пробуждая лесное царство Яви.

Кирилл медленно ходил вокруг пепелища: жалкие руины дома громоздились теперь кучей мусора. Ничто не уцелело после его неистовства. Не стало выстроенного кропотливым трудом особняка, на который было потрачено столько сил и времени. А главное: не было больше Зои — такой наивной и легкомысленной, но дорогой сердцу. Слеза скатилась по щеке Кирилла при виде выжженной земли, где еще вчера он надеялся на светлое будущее, а теперь все ожидания рассыпались в прах.

Древнее проклятие, насланное хитрой Маринкой, до сих пор обращало Кирилла в зверя. Много веков тому назад Морана забрала мертвого дракона к себе, в царство теней и мрака, и велела охранять реку Смородинку и Калинов мост — тот самый, через который души проходили в Навь. Все это время дракон спал непробудным сном в той самой пещере на глубине озера в сокровищнице, выполняя наказ Пряхи судеб. Он внимал происходящим событиям и видел их будто во сне: все повороты, новые существа и их жизни в Нави — все это Кирилл знал, хоть и спал беспробудным сном. Но десять лет назад Змей очнулся — чары ведьмы наконец-то иссякли. Морана казалась не слишком удивленной таким поворотом событий и позволила Кириллу поселиться на границе между мирами. Так и начался его новый этап жизни, который теперь закончился. Учиненное бедствие сложно было бы не заметить, а потому оставалось только гадать, в какой момент владычица Нави призовет виновника на суд.

Никогда прежде не случалось такой катастрофы. Злая и темная магия, созданная Пряхой судеб, оберегала Навь от неожиданных гостей, а за порядок и сохранность со стороны Яви отвечал леший Сосновец. Именно он был с самого начала против идеи Кирилла поселиться в сосновом бору и оказался прав, вещая, что тот лишь накликает беду. Из-за него пострадали земли двух миров, Зоя погибла, а самое страшное — колдовское пламя разрушило завесу между царствами, и теперь везде начнет-

ся полный хаос. Призраки и прочая нечисть будут исчезать из мира мертвых, болезни и кошмары расползутся по Яви, высасывая из людей души и пожирая их. Ледяная пурга обрушится на людские земли, сковывая морозами каждый уголок. Холодные ветра Нави начнут уносить жизни изо дня в день, оставляя после себя только смерть. И виноват в этом только Кирилл.

В обличье Змея Горыныча он не владел собой. Разум затмевался неиссякаемой жаждой разрушения, и Кирилл даже не осознавал, кого именно убивал. За свою мирскую жизнь он обращался множество раз, неся повсюду пламя, боль и смерть. Целые поселения погибали в страшных муках, отчаянные храбрецы были истерзаны от когтей и зубов Змея. Конец кровавому безумию и смертельной пляске пламени пришел тогда, когда смелый и ненавистный витязь сразил трехглавое чудовище. Сотни лет существования в горах Отшельницах, долгожданное освобождение и нарушенная клятва, данная богине, — вот и вся судьба Кирилла.

Он не имел права приводить живую душу в мир мертвых, но собственный эгоизм и желание угодить девушке взяли верх над здравым смыслом. Кирилл знал о губительном свойстве сокровищницы Кошcea и мог ослаблять его своим присутствием, однако маленький осколок — источник всех бед — пустил ядовитые корни и свел Зою с ума. Только из-за него девушка решила вернуться к отравленным и доводящим до безумия богатствам древнего чернокнижни-

ка. За напрасную, обреченную на провал выходку Зоя поплатилась жизнью. А ведь роком так и веяло, но Кирилл упрямо не хотел ему верить, позволил Зое обижаться и не проконтролировал ее состояние. Слишком беспечно и глупо для такого существа, как он.

— Почему же ты не послушала? — прошептал Кирилл, сжимая кулаки.

Он стоял на коленях, глядя на пепелище и с трудом сдерживая слезы. Вопросы терзали голову: что с ним теперь будет; уничтожит ли его Морана или отправит в страшную низину Лиха, где нет конца и края вечным мукам. Кирилл так долго ждал освобождения от чар, и сейчас, когда жизнь начала складываться, все разрушилось.

— Потому что она была слабой, — понуро заметила возникшая из ниоткуда Рогнеда. Она знала о Зое и ее скверном характере, но искренне старалась радоваться за друга, который внешне казался счастливым. — Зоя, как и ты, оказалась слишком беспечной. Видимо, такова судьба.

— Морана убьет меня, — стирая слезу, констатировал Кирилл. Он пытался осознать эту простую мысль, но выходило скверно: никогда прежде жизнь не казалась ему столь ценным даром.

— Не торопи события, — попыталась поддержать Рогнеда. — Не стану спорить: выглядит все крайне скверно и проблем немало, но ты — страж между мирами, которому нет равных. Так что надежда на сохранность жизни все же есть. Хоть и слабая.

СУМРАЧНЫЙ СКАЗ

Кирилл промолчал. Он понимал, что Серая была права и тогда в своих предостережениях о распутной жизни, и сейчас, не давая ложных обещаний.

Рогнеда, стоя рядом, рассматривала место пожара. По дороге сюда она уже успела оценить масштабы проблемы: выжженный лес, разрушенная пещера, обгорелый дуб — священный символ Нави, — возле которого определялась дальнейшая участь души, — все это выглядело бедственно, но поправимо. Горы, которые принадлежали негласному царю Нави — Кошею Бессмертному, — могли возрождаться благодаря темной магии. Великий дуб — через несколько дней, словно ничего и не было. Сумрачный лес оправится при помощи Дубровца, который напитает земли чарами, но больше всего страшило иное — от пожара пострадала завеса между Навью и Явью.

— Все уже знают, что произошло, Кир, — обреченно заметила Рогнеда. — Нам надо прибраться здесь и как можно скорее идти за помощью.

Кирилл кивнул, рассматривая пепелище. Рогнеда переминалась с ноги на ногу, пытаясь придумать слова поддержки, но все они казались глупыми и пустыми. Как можно не переживать, когда вокруг зреет буря; как можно уповать на призрачное «хорошо», если все рушится и мирам грозит катастрофа, а виноват в этом только ты один. Серая не знала ответов, но видеть страдания друга было тяжело: как никто другой, волчица знала, что Змей всегда

жаждал любви и принятия. По этой причине он постоянно проникал в Явь, веря, что однажды встретит ту самую, которая сможет полюбить его таким, какой он есть. Но он ошибся.

Стараясь больше не отпускать едких комментариев и причитаний, мол, «я ведь говорила, я ведь предупреждала», Рогнеда осторожно опустила ладонь на его плечо, чуть сжимая.

— Давай без жалости, — раздраженно процедил Кирилл, сбрасывая руку и поднимаясь на ноги.

Рогнеда опешила: она ведь хотела поддержать, а нарвалась на грубость. Видя, как тень обиды скользнула по лицу волчицы, Кирилл мысленно отвесил себе оплеуху за резкость и мягко поинтересовался:

— У тебя вчера все нормально прошло?

— А ты откуда знаешь? — изумилась Рогнеда. Она ведь еще никому не успела рассказать про вылазку в Явь, а Кирилл уже был посвящен в произошедшее.

Змей усмехнулся. Он бы помолчал, изводя оборотня посильнее, но испуг, мелькающий в ее глазах, заставил объясниться:

— Я как страж ведаю многое, Серая. Чувствую, кто и когда пересекал границы междумирья в любом из обличий. Поэтому знаю, что ты ушла еще днем, а вернулась на рассвете.

— Но как? Ты же ведь, ну... — она замялась, пытаясь подобрать нейтральные слова.

— Говори прямо: как ты можешь соображать, где, кто и когда, если ты огромный и ни на что не